

НЕКРОМАНТКА

КАРМЕН ЛУНА

Кармен Луна

Некромантка

«Автор»

2026

Луна К.

Некромантка / К. Луна — «Автор», 2026

Милена мечтала попасть в волшебный мир, но представляла его совсем иначе. Вместо прекрасного принца её встречают древнее кладбище, полуразложившийся мертвец и толпа людей, объявивших её великой некроманткой. Оказывается, Милена обладает редчайшей силой: способна поднимать тех, кого не удавалось пробудить столетиями. И первым настоящим испытанием становится Древний, запертый в забытом склепе. Она ничего не знает о магии, боится собственных оживших мертвецов и отчаянно хочет вернуться домой. Но её появление уже нарушило равновесие этого мира. Теперь одни хотят использовать её дар, другие — уничтожить, а тот, кого она случайно пробудила, вовсе не собирается снова покорно ложиться в могилу.

© Луна К., 2026

© Автор, 2026

Кармен Луна

Некромантка

Глава 1

Моё утро началось, как всегда, с проклятий. Не тех, что шепчет старая ворожея на кладбище, а бытовых: грёбаному будильнику, который вместо мелодичного «Доброе утро, принцесса!» орал как недорезанный баран, и соседям сверху, ежедневно сносившим несущие стены своей хрущёвки. Вот вам современный мир и все блага цивилизации — сплошное мучение.

Я, Милена Нефедова, двадцать четыре года от роду, дипломированный (почти) специалист по филологии, а по факту — мастер по выживанию в городских джунглях и знаток всех акций в ближайшем супермаркете. Моя жизнь текла размеренно, как вода в унитазе после спуска, предсказуемо и... скучновато. Фэнтези я любила, да. Прочитала тонны книг, прошла сотни игр, где brave герои спасают миры, таскают на себе артефакты и обжимаются с эльфийками. В глубине души, признаюсь, иногда по-глупому мечтала: «Вот бы мне так! В другой мир! С магией, приключениями...» Кто ж знал, что мироздание решит откликнуться на мои воздыхания с такой изощренной жестокостью?

Итак, вторник, восемь утра. Завтрак — вчерашний бутерброд и кофе из пакетика. В планах — восемь часов изображать в офисе человека, который понимает таблицы Excel. Я уже собиралась выходить, когда заметила на старой полке странную вещицу среди пыльных сувениров, привезённых мамой из какой-то сомнительной поездки. Обычно я её не замечала, но сегодня мутная поверхность едва заметно светилась.

Это было старинное зеркальце в бронзовой оправе, только вместо отражения в нём клубилась муть, похожая на болотную воду. Я решила, что это очередной сувенир вроде египетских пирамидок, годами собирающих пыль. Зеркальце оказалось тяжёлым и холодным. Я повертела его, пытаюсь разглядеть что-нибудь в мутной поверхности, — и тут всё началось.

Зеркальце внезапно засветилось ярче, как будто внутри включили новогоднюю гирлянду на стероидах. Свет становился невыносимо белым, выжигая сетчатку. Я заорала. Ну, точнее, попыталась. Звук застрял где-то в горле, а тело обдало такой волной головокружения, что я рухнула на пол, будто мешок с картошкой. Мне казалось, что меня крутит в центрифуге, как грязное бельё в стиральной машинке на максимальных оборотах. Цвета слились в один безумный калейдоскоп, запахи превратились в какофонию, а звуки — в оглушительный визг. Это было хуже, чем похмелье после корпоратива. Намного хуже.

И вот, когда я уже решила, что это конец, что я наконец-то умерла от слишком большого количества кофе и недостатка сна, все резко прекратилось. Тишина. Темнота. А потом...

Я открыла глаза. Первое, что я увидела — зеленая трава. Очень зеленая. Настолько зеленая, что мои глаза, привыкшие к серым стенам города, просто офигели. Над головой — синее-синее небо, без единого облачка, будто его вымыли с моющим средством. Вокруг — деревья. Огромные, незнакомые, с какими-то гигантскими цветами, похожими на инопланетные ловушки для комаров. И главное — никакого шума машин, никаких соседей-разрушителей, только пение птиц, от которого хотелось достать дробовик и навести порядок.

«Так, Милена, соберись, тряпка, — пронеслось у меня в голове. — Это сон. Точно сон. Или я в коме? Нет, в коме, наверное, было бы потише и поскучнее. Это, наверное, какой-то тематический парк. Типа «Фэнтезиленд», только без аттракционов и очередей».

Я медленно поднялась, чувствуя, как каждая клеточка тела ноет, будто меня переехал каток. Одежда, слава богу, на месте — старые джинсы, футболка с надписью «I need more coffee». Зеркальца, конечно же, нигде не было. Вместо него на земле валялся какой-то странный, грубо выточенный камень, похожий на кусок застывшей лавы. Я пнула его ногой — он

ничем не отличался от обычного булыжника. Ну, кроме того, что он был похож на булыжник, который только что побывал в битве с драконом и проиграл.

Я побрела вперёд, надеясь найти признаки цивилизации или хотя бы дорогу. Примерно через полтора часа вышла к старому кладбищу и заросшему склепу. Он выглядел так, будто простоял здесь со времён динозавров, а затем пережил несколько обстрелов из катапульта. Камни покрывал мох, с карнизов свисали засохшие травы, похожие на ведьмины веники.

«Ну вот, — подумала я. — Приключений захотела? На тебе приключений. Теперь я, наверное, буду героиней дешевого ужастика, где первая умирает именно та, кто зашла на заброшенное кладбище».

Я подошла ближе, испытывая странное притяжение. От склепа веяло какой-то древней, холодной энергией. Мои руки сами потянулись к одной из колонн, покрытой странными, высеченными символами. Они были шершавые, холодные, и когда я коснулась их, по телу пробежала волна... нет, не мурашек. Скорее, это было похоже на удар током, но не болезненный, а такой... щекочущий.

И тут же, откуда-то из глубины земли, донесся странный гул. Земля под ногами задрожала. Не сильно, так, легкая дрожь, как будто под землей кто-то решил почесаться. А потом... из-под земли, прямо из-под склепа, начал подниматься... **оно**.

Я ожидала чего угодно. Змею. Огромного паука. Гнома-копателя. Но только не это. Из земли, медленно, с душераздирающим скрежетом, начала вылезать... рука. Потом вторая. Потом голова.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то в пятки и начало отбивать чечетку. Мой мозг, привыкший к комфорту и безопасности, отчаянно пытался найти логическое объяснение. «Это спецэффекты, Милена! Спецэффекты! Наверное, сейчас выскочит режиссер с камерой и крикнет: «Снято!»

Но режиссёр не появился, а существо продолжало выбираться из земли. Настоящий зомби — не аккуратно загримированный игровой противник, а полуразложившийся труп с торчащими костями и провалами вместо плоти. Пахло так, будто стадо слонов месяц пролежало под палящим солнцем.

Я заорала. Громко. Истерично. Наверное, так громко, что у всех местных ворон началась падучая. Зомби, повернув голову (которая держалась на паре сухожилий), медленно двинулся ко мне.

Я попятилась, лихорадочно оглядываясь в поисках оружия. Под руку попала только сумка.

Я вскинула сумку, но в тот момент, когда она ударила зомби, из ладоней вырвался резкий холод. Мертвеца дёрнуло; правая нога отвалилась, а тело осыпалось серым прахом, словно невидимая сила разрушила удерживавшее его заклятие.

Я уставилась на пустую одежду, потом на свои ладони. Только что я не просто отбилась — случайно нажала в собственной магии команду «самоуничтожение».

— Что это было? — прошептала я, шокированная.

В этот момент из-за деревьев выбежали около десятка людей в тёмных мантиях с одинаковыми серебряными знаками. У одних были посохи, у других — мечи. Позже я поняла: это хранители склепа, десятилетиями ждавшие возвращения Древнего.

— Это она! Некромантка! — выкрикнул один из хранителей и потрясённо указал на меня пальцем, украшенным кольцом в форме глаза.

Я вытаращила глаза.

— Я? Некромантка? — Я нервно рассмеялась и подняла ладони. — Вы ошиблись. Я даже мух убивать боюсь.

Но они меня не слушали. Начали что-то бормотать про «великий дар», «Избранную», «возрождение древней силы». Я стояла, открыв рот, пытаюсь переварить информацию. Некромантка? Я? Девушка, которая путает правый берег с левым и не может починить розетку?

— Послушайте, — попыталась я их остановить, чувствуя, как нарастает паника. — Я понятия не имею, что произошло. Я из другого мира, из двадцать первого века. У меня даже телефон есть, только он разрядился и здесь не ловит.

Они посмотрели на меня, как на душевнобольную. Один мужик, похожий на готического гнома, даже покрутил пальцем у виска.

— Она, наверное, от страха повредила рассудком, — проворчал он. — Не мудрено. Такую силу поднять...

А потом один из них, пожилой мужчина с длинной седой бородой, подошёл ко мне.

— Юная леди, — заговорил он скрипучим голосом, но в глазах горела надежда. — Мы веками охраняли Древнего. Никто не мог поднять его из склепа. Вы обладаете силой, способной вернуть нашего защитника. Прошу, помогите нам.

Мой мозг завис. Вернуть кого — ещё одного разваливающегося зомби? Нет уж.

— Я ничего не умею и хочу домой! — вырвалось у меня; голос дрогнул от злости и страха. — На работу, к своей скучной, но безопасной жизни.

Но они были настойчивы. Они буквально потащили меня к склепу, игнорируя мои крики и попытки отбиться. Мне казалось, что я попала в какой-то дурацкий квест, где главный герой вообще не понимает, что от него хотят.

— Сосредоточьтесь, юная леди, — уговаривал старик, удерживая остальных на расстоянии. — Вы подняли малого стража. Теперь попробуйте разбудить Древнего.

Я стояла перед склепом, обливаясь потом от страха. Вот она, кульминация. Вот он, момент истины. Сейчас я либо покажу им кузькину мать, либо стану частью кладбищенского пейзажа. Я закрыла глаза, глубоко вздохнула и попыталась вспомнить что-нибудь из фэнтезийных книг. Ну, там, про силу воли, про концентрацию, про «Почувствуй потоки магии!». Чувствовала я только потоки паники.

Но потом, откуда-то из глубины души, поднялось некое странное ощущение. Тянущее. Холодное. Как будто я случайно задела какую-то невидимую струну внутри себя. И я, сама не зная, зачем, произнесла первое, что пришло на ум из какой-то игры: «Восстань! Иди ко мне! Или я тебя сейчас покусая!»

Я открыла глаза.

Земля задрожала. Нет, не просто задрожала — она заходила ходуном, как желе на тарелке. Склеп начал трескаться, камни осыпались с оглушительным грохотом. Люди вокруг меня отшатнулись, закрывая головы руками. Из-под земли вырвался столб чёрного, клубящегося тумана, пахнувшего... нет, не так. Пахнувшего **ОЧЕНЬ ПЛОХО**. Этот запах был хуже, чем смесь тысячи общественных туалетов и несвежих носков.

И вот из этого тумана, медленно, с достоинством, словно на парад, вышел **ОН**.

Это был не просто зомби. Это был... альфа-зомби. Моё внутреннее я тут же присвоило ему рейтинг «Босс-файт. Уровень сложности — невыносимый».

Он был не просто мертвецом, а сохранившим человеческий облик воином: высокий, широкоплечий, с волосами цвета воронова крыла, падающими на плечи. Даже смерть не испортила чётко очерченный подбородок, высокие скулы и прямой нос. Глаза цвета полуночного неба смотрели прямо на меня.

Его кожа была мертвенно-бледной, но целой; по ней тянулись лёгкие трещинки, словно по старинному фарфору. А вот запах оказался настолько тяжёлым, что глаза заслезились и к горлу подступила тошнота.

Он сделал шаг. И ещё один. Медленно, грациозно, словно хищник, который только что проснулся после долгой спячки. Я стояла, пригвожденная к месту, как бабочка к коллекции энтомолога.

Он подошёл ко мне вплотную. Опустил голову. Его глаза изучали меня с... любопытством? Интересом? Я не знаю. Я знала только одно: мне очень, **ОЧЕНЬ** хотелось сбежать.

— Итак, — произнёс он бархатным голосом, в котором слышался могильный холод. — Моя спасительница. Та, кого я ждал три столетия.

Мой мозг взорвался. Я ждала, что он скажет «Мозгииии!» или что-то в этом духе. А он... «спасительница»?!

— Я не спасительница, — выдавила я, отступая на полшага. — Я филолог из другого мира. А вы... вы мертвы.

Его губы тронула легкая, едва заметная усмешка. Он протянул руку — длинную, сильную, с бледными пальцами и очень ухоженными ногтями (странно, но факт!). Его прикосновение было холодным, как лед. Он взял мою руку, осторожно, но крепко.

— Отныне ты связана со мной, — произнёс он с таким пафосом, что даже хранители притихли. — Моя заложница, ключ к свободе и будущая невеста.

На этом слове у меня реально сорвало крышу. Я почувствовала, как по мне пробежал неконтролируемый смехок. Истерический. А потом я просто расхохоталась. Громко. Как гиена. Наверное, это было последнее, чего он ожидал.

— Невеста? — Я выдернула руку и истерично рассмеялась. — Вы ходячий антиквариат с запахом трупного яда. И вообще, у меня есть мужчина. — Последнее было ложью: постоянных отношений у меня не было уже два года.

Его бледное лицо не дрогнуло. Только взгляд стал чуть более... заинтересованным.

— Незначительное препятствие. Я герцог Данте, проклятый хозяин Мортхолла. Теперь наши судьбы связаны. Мы отправляемся в мой замок.

Он подхватил меня на руки прежде, чем я успела возразить. Я брыкалась и ругалась на русском и английском, но Данте нёс меня как невесомую ношу. Оставшиеся у склепа хранители опустили на колени: они дождались пробуждения Древнего, хотя явно не ожидали, что он сразу похитит свою спасительницу.

— Отпусти меня! — потребовала я, колотя кулаками по его каменной груди. — Я не твоя собственность.

— Береги силы, невеста, — невозмутимо ответил Данте. — Они понадобятся, чтобы снять проклятие.

Работа над снятием проклятия? Вечность? С ним?! Моя жизнь, которая ещё утром была унылой, но предсказуемой, теперь превратилась в какой-то безумный фэнтези-трэш-боевик. И я была в нём главной героиней, заложницей пафосного зомби-альфа-самца. Отлично просто. Моя мечта о приключениях сбылась. Кажется, я переборщила с желаниями.

Глава 2

Знаете, что хуже, чем оказаться в чужом мире? Когда тебя несёт мертвец, пахнущий как забытый на три месяца в шкафу бутерброд. Летом. С плесенью и отчаянием.

Данте нёс меня через лес с таким видом, будто выиграл главный приз. Я, современная женщина с остатками самоуважения, брыкалась и пыталась заставить похитителя хотя бы признать, что согласия на путешествие не давала.

— Поставь меня на землю, — процедила я, упираясь ладонями ему в грудь. — Я человек, а не мешок с картошкой.

— Тише, невеста, — отозвался он, не сбавляя шага. — Будущей герцогине не пристало кричать так, чтобы её слышала вся нежить в лесу.

— Пусть слышат, — огрызнулась я, хотя голос уже охрип. — Может, хоть у них осталась совесть.

— Ты принадлежишь Мортхоллу, — спокойно уточнил он. — Пока действует проклятие. Эта оговорка заставила меня замолчать. Ненадолго.

— Я не принадлежу ни тебе, ни замку, — сказала я уже тише, но отчётливо. — Запомни. Лес вокруг менялся. Становился мрачнее. Деревья росли гуще, их ветви переплетались наверху, образуя что-то вроде тоннеля. Свет проникал сквозь листву тонкими лучами, и в этих лучах плясали пылинки, похожие на крохотных призраков. Лианы свисали со стволов, извивались, и я могла поклясться — они шевелились, хотя ветра не было.

— Где ты меня тащишь? — спросила я, когда силы на орание закончились. — На съедение? На жертвенный алтарь? На...

— Домой.

Одно слово. Но в нём было столько собственничества, что мне захотелось снова начать брыкаться.

— Мой дом в Москве, — возразила я, с тоской вспомнив панельную хрущёвку, соседей и протекающий кран.

— Был, — поправил Данте без злорадства. — Пока твой дом — Мортхолл.

— Мортхолл? — Я недоверчиво скривилась. — Вы, мертвецы, совсем не мучаетесь с названиями. Ещё скажи, что рядом есть Склеп Печали и Замок Тлена.

Он промолчал, но я поймала краешком глаза лёгкое подёргивание его губ. Неужели этот кусок льда умеет улыбаться?

И тут лес закончился.

Передо мной открылся вид, от которого у меня отвисла челюсть.

Замок.

Нет, не просто замок. ЗАМОК. С большой буквы. С прописной. С жирным подчёркиванием, восклицательным знаком и сиянием зловещего величия.

Он стоял на скале, возвышаясь над лесом, как гигантский готический торт, который испекла ведьма со странными пристрастиями и чувством драматизма. Башни устремлялись в небо — остроконечные, увенчанные шпилями, которые буквально царапали облака. Стены — серый камень, почерневший от времени и дождей, покрытый трещинами, мхом и лишайником, словно само время решило использовать их как холст для своих картин разрушения.

Витражные окна зияли пустыми глазницами — большинство стёкол было выбито или треснуто. Но в некоторых всё ещё сохранились осколки цветного стекла — красного, синего, изумрудного, — которые переливались на закатном солнце, отбрасывая на стены радужные блики смерти и красоты.

А гаргульи...

О боже, гаргульи.

Десятки. Может, сотни. Они сидели везде — на крыше, на карнизах, на башнях, на балконах. Каменные монстры всех мастей и размеров. Некоторые были похожи на драконов с распахнутыми крыльями. Другие — на демонов с рогами и клыками. Третьи — на то, что бывший скульптор увидел в особо дурном сне после поедания сыра с плесенью.

И, клянусь всеми святыми и не очень, они СМОТРЕЛИ на меня. Следили каменными глазами. Я чувствовала их взгляды на своей коже, как прикосновение ледяных пальцев.

Замок был... невозможен. Красив той тёмной, болезненной, извращённой красотой, которая привлекает и отталкивает одновременно. Как очень старая рок-звезда, которая сделала слишком много пластических операций, переспала с половиной индустрии, пережила три передозировки, но всё равно сохранила эту притягательную, магнетическую харизму.

— Впечатляет? — спросил Данте, и в его голосе прозвучала нотка гордости.

— Впечатляет, — созналась я. — Если бы не запустение. И дыры. И то, что он выглядит так, будто вот-вот рухнет.

— Впечатляет, — признала я, всматриваясь в провалы крыши. — Но замок выглядит так, будто рухнет от первого сильного ветра.

— Мелкие недостатки, — отмахнулся Данте, однако в его голосе мелькнуло раздражение.

— Половина крыши провалилась. Это уже архитектурное решение, а не недостаток.

Я фыркнула. Косметический ремонт. Этому замку нужен не косметический, а капитальный, с привлечением бригады из ста человек и магическим бюджетом в несколько миллионов.

Данте направился к огромным воротам. Они были деревянные, обитые железом, с ржавыми петлями размером с мою голову. Когда он толкнул их ногой (ногой! просто так, одной ногой!), ворота открылись с таким скрипом, что у меня заболели зубы.

— Добро пожаловать в Мортхолл, — произнёс он торжественно.

— Не говори это таким голосом, — попросила я, поёжившись. — Звучит как начало истории, в которой новенькая не доживает до утра.

— Возможно, потому что так и есть, — сухо ответил он.

И мы вошли внутрь.

Двор встретил меня армией.

Нет, не в переносном смысле. Буквально. Армией.

Они стояли, выстроившись в ряды, как солдаты на параде. Только это были не солдаты. Это были... зомби. Десятки зомби. Может, сотни. Разной степени сохранности — от «относительно целых» до «лучше бы я этого не видела». Некоторые в латах, некоторые в лохмотьях. У одного не было руки. У другого — половины лица. Третий вообще был без головы, но как-то стоял.

И они все смотрели на меня.

Ну, те, у кого были глаза.

— Это... — начала я, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу. — Это что?

— Моя армия, — сказал Данте с гордостью, которая могла соперничать с гордостью олимпийского чемпиона. — Двести верных воинов.

— Они мертвы, но двигаются? — спросила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Их удерживает магия, — с мрачной гордостью пояснил Данте.

— Понятно. Всё понятно. Я в замке с армией мертвецов. Всё нормально. Просто замечательно.

Данте опустил меня на землю. Мои ноги подкосились. Я чуть не упала, но он придержал меня за локоть. Его прикосновение было ледяным, но... твёрдым. Уверенным.

— Стой ровно, — приказал он. — Ты теперь их госпожа. Они должны тебя увидеть.

— Я не хочу, чтобы они меня видели! Я хочу домой!

Но было поздно. Из рядов вышла... процессия.

Первым был скелет. В костюме. В ИДЕАЛЬНО СИДЯЩЕМ костюме! Безупречном, чёрном, с белоснежной рубашкой и бабочкой, которая была повязана с таким мастерством, что любой стилист позеленел бы от зависти. Он шёл с достоинством английского дворецкого, с выправкой гвардейца и с... подносом в руках. А на подносе лежала его собственная отвалившаяся рука.

Я моргнула. Потёрла глаза. Рука всё ещё была на подносе.

— Добро пожаловать, мадам, — произнёс он голосом, в котором слышался лёгкий британский акцент и нотки аристократической учтивости. — Меня зовут Мортимер. Я дворецкий Мортхолла последние триста семьдесят два года. Прошу простить беспорядок. — Он элегантно кивнул.

И его рука с подноса грохнулась на землю, подняв облачко пыли.

Повисла неловкая пауза.

— О, — произнёс Мортимер с лёгким смущением в голосе. — Как неудобно. Простите. — Он наклонился, поднял руку и с тихим щелчком приделал её обратно к плечу, словно это была деталь конструктора. — Недоразумение. Это случается... чаще, чем хотелось бы.

Я стояла, открыв рот, не в силах произнести ни единого слова. Мой мозг отчаянно пытался обработать информацию, но застрял на моменте «рука на подносе».

Следом за ним появилась... девушка? Призрак? Существо неопределённой категории мертвечины? Она была полупрозрачной, бледной до прозрачности, в длинном сером платье викторианской эпохи. Волосы распущены, длинные, развевались от несуществующего ветра. Большие грустные глаза смотрели на меня с робостью испуганного котёнка.

— Я Грета, — прошептала она голосом, похожим на шелест осенних листьев. — Ваша горничная, мадам. Я буду... ой!

Она попыталась присесть в изящном реверансе, как учили благородных девиц в позапрошлом веке, но в процессе... провалилась. Сквозь землю. По пояс. Её верхняя часть осталась на поверхности, а нижняя... ушла вниз.

— Опять забыла! — пискнула она, барахтаясь и пытаясь выбраться. — Простите! Простите! Я всегда забываю, что я призрак! Мортимер говорит, мне надо записку на руку написать, но у меня руки тоже иногда проваливаются, и...

Она наконец выбралась, вся растрёпанная, смущённая до кончиков полупрозрачных ушей.

Я продолжала стоять с открытым ртом. Моя способность удивляться достигла предела и просто отключилась.

За ней, гроыхая, словно танк на параде, вышел... ОРДЕН. Нет, не орден. Орк. Зомби-орк. Разница существенная, но для моей психики — не особо.

Он был ОГРОМНЫМ. Метра два с половиной в высоту, метр в ширину плечей. Зелёный, с кожей, похожей на кору древнего дуба. Клыки торчали изо рта, длинные, как у саблезубого тигра. На нём был фартук. Грязный, засаленный, с пятнами, происхождение которых я предпочла не анализировать. В огромной зелёной лапе — половник. Размером. С. Мою. Голову.

Он топнул, и я почувствовала, как земля дрогнула.

— Громбаш, — прорычал он голосом, похожим на раскаты грома. — Повар. Громбаш хорошо готовить! Раньше воин. Убивал врагов. Теперь убивать... еду.

Последнее он произнёс с такой гордостью, что я не посмела возразить.

— П-повар, — эхом повторила я, чувствуя, как остатки моей адекватности собирают чемоданы и готовятся эвакуироваться из моего мозга.

И наконец, словно в завершение этого парада абсурда, появились трое. Три скелета. В соломенных шляпах. С граблями в руках... точнее, в костях. Они выстроились в ряд, синхронно поклонились и запели хором, который звучал как музыка из фильма ужасов, но в мажорной тональности:

— Гостя к нам пришла, ура-ура! Красивая, как луна! Будет свадьба, господи! Чистим, моем, убираем, Новой госпоже всё помогаем! Хотя мы мертвы уж много лет, Но для любви преград нет!

— Хватит, — оборвал песню Данте; по его напряжённой челюсти было видно, что представление раздражало даже его. — Вы пугаете гостью.

— Поздно, — выдохнула я, обводя глазами мёртвую процессию. — Сильнее меня сегодня уже не напугать.

— Посмотрим, — пробормотал Мортимер.

Данте взял меня за руку (я попыталась вырваться, но он держал крепко) и повёл вглубь замка. Слуги расступились, провожая нас взглядами. Те, у кого они были.

Внутри было... мрачно. Но величественно.

Огромный холл с высоченными потолками. Лестница, широкая, с резными перилами, вела наверх. На стенах висели портреты — мужчины и женщины в старинных нарядах, все какие-то суровые, недовольные. Наверное, предки Данте. Или жертвы. Чёрт их разберёт.

Повсюду пыль. Паутина. Затхлый запах старости и смерти.

— Уютно, — съязвила я, проводя пальцем по слою пыли. — Почти пятизвёздочный отель. Только звёзды могильные.

— Мы это исправим, — сказал Данте. — Вместе.

— Никакого «вместе». Я найду дорогу домой, — заявила я, хотя уверенности в голосе уже не было.

Он остановился. Повернулся ко мне. Посмотрел прямо в глаза. И его взгляд был таким холодным, таким... древним, что я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Ты не сможешь уйти, — сказал он тише, и древний холод в его глазах заставил меня насторожиться.

— Я найду портал или дорогу к людям, — упрямо ответила я, хотя понятия не имела, куда идти.

— Попробуй, — предложил Данте и отступил, освобождая путь.

Это прозвучало как вызов. И я, идиотка, его приняла.

Развернулась и побежала к выходу. Через холл, через двор, мимо изумлённой армии зомби. К воротам. Они были открыты. Я выскочила наружу, бежала по дорожке...

И врезалась в стену.

Невидимую. Чёртову. СТЕНУ.

Я отлетела назад, как мячик от стены, приложилась задницей об землю так сильно, что копчик послал мозгу гневное сообщение с претензией. Перед глазами замерцали звёздочки всех цветов радуги, в ушах зазвенело, в носу запахло кровью, а во рту появился металлический привкус.

— Что за... — прохрипела я, потирая ушибленный лоб, на котором уже наливалась шишка размером с перепелиное яйцо.

— Барьер, — объяснил Данте, подходя без спешки. — Он окружает земли Мортхолла. Пока действует проклятие, ты можешь пройти сквозь него только с моего разрешения.

Я сидела на земле, потирая лоб, и пыталась не заплакать. Не от боли — та была терпимой. Но от осознания.

Осознания, которое накрыло меня с головой, как ледяная волна.

Я. В. Ловушке.

Настоящей. Магической. Непробиваемой ловушке.

Нет выхода. Нет побега. Нет возвращения домой к моему убогому, но родному дивану, к моему убогому, но МОЕМУ телефону, к моему убогому, но БЕЗОПАСНОМУ существованию.

Горло сжалось. Глаза предательски защипало.

«Не плакать, — приказала я себе. — Не плакать перед этим мертвецом. Не давать ему удовлетворения видеть, как ты разваливаешься на части».

— Почему? — спросила я, с трудом удерживая голос ровным. — Почему ты запер меня?

Он присел передо мной на корточки. Его лицо было бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то... сожаление?

— Потому что ты разбудила меня и стала частью заклęcia. Только твоя сила может его разрушить. Если ты уйдёшь прежде, чем мы найдём способ, погибнем оба.

— Я обычная девушка, а не ключ от твоей могилы.

— Уже нет. Ты некромантка, Милена. Первая за три столетия, чья сила сумела меня поднять.

— Тогда объясни, какое именно проклятие я должна снять, — потребовала я, поднимаясь без его помощи.

Он встал. Протянул мне руку. Я не взялась.

— Пойдём. Я объясню внутри.

— Я не пойду.

— Тогда сиди здесь. Но ночью в лесу выходят твари похуже моей армии.

Я посмотрела на лес. Он темнел. Солнце садилось, и между деревьями уже начали мелькать какие-то тени.

Чёрт.

Чёртова магия.

Чёртов замок.

Чёртов Данте.

Я взяла его протянутую руку и встала.

Мы вернулись в замок молча. Он провёл меня по длинным коридорам, освещённым факелами (факелами!), мимо закрытых дверей, мимо пыльных статуй. Остановился перед массивной дверью, украшенной резьбой.

— Твои покои, — объявил Данте, заметив, как я напряглась.

— Наши?! — Моя усталость мгновенно испарилась, как вода на раскалённой сковородке.
— Какого чёрта наши?!

Он открыл дверь.

Комната была огромной. Кровать — размером с моё прошлое жильё. Балдахин, правда, висел лохмотьями. Мебель — старинная, резная, покрытая слоем пыли толщиной с палец. Окна высокие, но стёкла грязные. Зато люстра... люстра была прекрасна. Хрустальная, огромная, с сотнями подвесок.

— В одной комнате с тобой я спать не буду.

— Я вообще не сплю, — напомнил Данте. — Я мёртв.

— Тем более!

— В замке сотня комнат. Выбирай любую, но эта лучше остальных сохранилась.

— А где будешь ты? — Я не сводила с него настороженного взгляда.

— В соседней комнате. Между покоем есть дверь.

— Нет!

— Невеста должна быть рядом с женихом, — добавил он, явно провоцируя меня.

— Перестань называть меня невестой, — процедила я.

Данте долго смотрел на меня, затем устало выдохнул — странный жест для мертвеца.

— Хорошо. Дверь закрою, но останусь рядом на случай, если магия снова выйдет из-под контроля.

— Мне не понадобится помощь, — буркнула я, хотя после всего случившегося это прозвучало не слишком убедительно.

— Чтобы слышать, если тебе понадобится помощь.

— Мне не понадобится!

— Посмотрим.

Он развернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

В огромной, пыльной, мрачной комнате.

В замке с зомби.

В другом мире.

Я медленно опустилась на кровать. Она скрипнула так жалобно, что я подумала — сейчас развалится. Но выдержала.

— Что со мной происходит? — прошептала я в пустоту.

Пустота не ответила.

Но из соседней комнаты донёлся голос Данте:

— Ты в Мортхолле, — отозвался Данте из соседней комнаты. — И через месяц состоится обряд помолвки. Если к тому времени мы не найдём другой способ ослабить проклятие.

— Не надейся, — крикнула я, но отчаяние сделало угрозу слабее, чем хотелось.

— Увидим, — послышалось в ответ. И там, за закрытой дверью, я могла поклясться — он усмехался.

Я посмотрела на комнату. На огромную кровать под балдахином. На пыльную мебель. На окно, за которым темнел лес.

Первый вечер в новом мире.

Первая ночь в замке мертвецов.

Мне захотелось забиться в угол и зарыдать. Долго. Громко. С соплями и истерикой.

Но вместо этого я подошла к окну и посмотрела на закат. Солнце садилось за лес, окрашивая небо в кроваво-красный цвет. Красиво. Жутко. Нереально.

— Милена, — прошептала я сама себе. — Ты попала в неприятности. В настоящие, магические, вонючие неприятности по самые уши.

Эхо не ответило. Но я и не ждала ответа.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Уткнулась лицом в подушку, которая пахла пылью, веками забвения и чьими-то чужими снами.

Мой первый день в магическом мире.

Я всегда мечтала о приключениях. О магии. О замках и принцах.

Ну вот, они у меня есть.

Только принц — мертвец. Замок — руина. А магия... магия воняет разложением и запирает тебя внутри против воли.

Где-то в глубине души я всё ещё надеялась, что это сон. Что сейчас я проснусь в своей кровати, под вой будильника, и всё это окажется кошмаром после просроченного йогурта.

Но подушка под щекой была слишком реальной. Запах плесени — слишком едким. А голос Данте из соседней комнаты — слишком живым для сна.

Хотя какой он живой. Он же труп.

Я зажмурилась сильнее, пытаюсь заснуть.

Не получалось.

Потому что каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела его лицо. Бледное. Красивое. Мёртвое.

И самое страшное — я не могла понять, что именно меня пугало больше.

То, что он мёртв?

Или то, что какая-то часть меня... не находила это отталкивающим?

«Милена, — мысленно отчитала я себя. — Ты свихнулась. Окончательно. Ты в замке меньше суток, а уже думаешь о мертвеце как о... как о ком?!»

Я не дала себе ответить на этот вопрос.

Вместо этого я натянула пыльное одеяло на голову и заставила себя дышать медленно.

Сон пришёл нескоро. И когда он пришёл, мне снился лёд, тьма и глаза цвета полуночи.

Утром меня разбудил осторожный стук в дверь.

— Мадам? — раздался голос Мортимера. — Завтрак готов.

Я села на кровати, чувствуя себя как после корпоратива — голова раскалывается, тело ноет, в душе тоска.

— Какой завтрак? — пробормотала я.

— Громбаш постарался. Специально для вас.

О нет.

Я спустилась в столовую (Мортимер провёл меня, теряя по дороге мизинец). Данте уже сидел во главе огромного стола, в кресле, которое больше походило на трон. Перед ним — пустая тарелка. Ну да. Он же не ест.

Перед моим местом стояла тарелка с... чем-то.

— Это что? — спросила я, ткнув вилкой в бурую массу, которая подозрительно дёрнулась.

— Каша, — гордо ответил Громбаш. — Только забыл, с чем.

— Как можно забыть, с чем каша? — Я отодвинула тарелку, чувствуя одновременно голод и страх.

Он задумчиво почесал зелёный лоб, и от этого движения на пол упал кусочек чего-то... я предпочла не выяснять, чего именно.

— Громбаш давно не чувствовать вкус, — виновато пробасил орк. — Громбаш мёртвый. Может, туда попало что-то лишнее.

— «Что-то» сейчас ползёт к краю тарелки, — заметила я, с ужасом следя за кашей. — Оно живое?

— Почти нет, — неуверенно заверил Громбаш.

— Это не успокаивает.

Я храбро зачерпнула ложкой микроскопическую порцию. Поднесла к носу. Понюхала. И чуть не умерла.

Запах был... нет, у меня нет слов. Представьте, что вы взяли носок, который не стирали год, добавили туда тухлую рыбу, щепотку отчаяния и всё это прокипятили в болотной воде.

Я попробовала. На кончик языка.

И мгновенно выплюнула обратно, чуть не проглотив собственный язык в попытке избавиться от вкуса.

— Это несъедобно, — прохрипела я, вливая в себя пол-литра воды. — Биологическое оружие, а не завтрак.

— Но питательно, — обиженно возразил Громбаш.

— Тогда оставь для осады. Враг сдастся после первой ложки.

Данте неожиданно хмыкнул.

— Что смешного? — Я раздражённо повернулась к нему.

— Ты, — ответил он, и в тёмных глазах мелькнуло настоящее веселье.

— Пошёл ты...

— Мадам, — укоризненно вмешался Мортимер. — Прошу помнить об этикете.

— Да плевать на ваш этикет!

Данте встал. Подошёл ко мне. Наклонился. Его лицо было в сантиметрах от моего.

— Милена, — произнёс он тихо, и в его голосе была какая-то... серьёзность, которой я не слышала раньше. — Нам нужно поговорить. Серьёзно.

Что-то в его тоне заставило меня замолчать. Я посмотрела на него. На его бледное лицо. На тёмные глаза, в которых плескалось что-то... тревожное?

— О чём?

— О проклятии. О том, почему ты здесь. И о том, сколько у нас времени.

Холод пробежал по моему позвоночнику. Не от его близости. От того, КАК он это сказал.

— Времени на что?

Данте выдержал долгую паузу, словно ему было трудно произнести следующие слова.

Потом нервно рассмеялась — слишком резко, почти на грани срыва.

— Полюбить тебя? — переспросила я, вцепившись пальцами в край стола. — Мертвеца?

— У нас три месяца, — серьёзно ответил Данте. — Потом моё тело и связанная с ним магия распадутся окончательно. Барьер останется, потому что привязан к Мортхоллу, а не ко мне. Ты окажешься здесь одна.

Смех оборвался. Три месяца до его окончательной смерти и моей пожизненной ловушки.

Три месяца.

Девяносто дней.

Две тысячи сто шестьдесят часов.

— И единственное условие — любовь? — Голос прозвучал чужим.

— Добровольная, — подчеркнул он. — Притворство проклятие не обманет.

— А если я не смогу?

— Я исчезну, — без выражения ответил Данте.

— А барьер действительно не рухнет вместе с тобой?

— Нет. Он питается магией места. Пока Мортхолл существует, ты останешься внутри.

Мой желудок упал куда-то в район пяток.

Навсегда.

Одна.

В замке с зомби.

Без интернета. Без связи с домом. Без будущего.

Я представила себя через десять лет. Двадцать. Тридцать. Сажу в этом пыльном замке, а вокруг разваливающиеся мертвецы, и никто. НИКТО.

Тошнота подступила к горлу.

Я посмотрела на него. На его бледное лицо с чёткими чертами. На тёмные глаза, в которых плескалась древняя, непроглядная тоска. На этого мёртвого, холодного, невозможно пафосного мертвеца, который только что перевернул мою жизнь вверх дном.

И подумала: «Милена, у тебя проблемы. Очень. Большие. ОГРОМНЫЕ проблемы».

— Отлично, — выдавила я, чувствуя, как внутри поднимается истерика. — Просто замечательно. Давай тогда начнём с того, что ты объяснишь, как, чёрт возьми, можно полюбить труп?!

Он выпрямился. Усмехнулся. И в этой усмешке было что-то хищное. Опасное. От чего у меня забегали мурашки по коже.

— У нас впереди три месяца, — сказал Данте, приблизившись. — Достаточно, чтобы ты увидела: смерть не всегда означает конец.

— И что же она означает? — спросила я, стараясь не показать, как дрогнул голос.

Он наклонился. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Его губы почти касались моего уха. Его дыхание (если у мертвецов бывает дыхание) обожгло кожу ледяным холодом.

— Иногда — состояние между жизнью и исчезновением. Иногда — второй шанс, — прошептал он у самого моего уха. — А иногда нечто гораздо опаснее.

Моё сердце колотилось так бешено, что я была уверена — он слышит его. Чувствует. Наслаждается моим смятением.

А потом он выпрямился и ушёл, оставив меня стоять с открытым ртом, дрожащими коленями и предательски горящими щеками.

А Мортимер деликатно кашлянул:

— Мадам, может, хотите тост? Без Громбаша?

— Я хочу домой, — призналась я Мортимеру; отчаяние наконец прорвалось в голос.

— Боюсь, пока это невозможно, мадам, — мягко ответил дворецкий. — Но позвольте совет от того, кто мёртв уже триста с лишним лет?

Я посмотрела на него. На скелет в безупречном костюме. На существо, у которого не было ни лица, ни плоти, но было... что-то. Доброта? Понимание?

— Говори.

— Дом — не только место, мадам, — задумчиво произнёс он. — Иногда тюрьма становится домом, если в ней появляются те, ради кого хочется остаться. Но решение должно быть вашим.

Он поклонился и вышел, оставив меня наедине с моими мыслями.

А мысли мои были примерно такие: «Философствующий скелет. Отлично. Я свихнулась. Окончательно».

Но его слова... они застряли в голове.

«Дом — это люди».

Я посмотрела на дверь, за которой был Данте.

Мёртвый. Холодный. Невозможный.

И подумала: «Если это мой дом... то я в очень, **ОЧЕНЬ** глубоких неприятностях».

Но почему-то мысль эта не казалась такой ужасной, как должна была.

И это, пожалуй, пугало больше всего.

Глава 3

Я долго не могла уснуть.

Я лежала в этой гигантской кровати, которая скрипела при каждом моём движении, как симфонический оркестр призраков, и смотрела в потолок. Точнее, пыталась разглядеть потолок в темноте, освещённой только жалкими лучами луны, пробивающимися сквозь грязные окна.

Мой мозг отказывался выключаться. Он крутил и перекручивал события дня, как дешёвый триллер на повторе. Портал. Зомби. Данте. Армия мертвецов. Барьер. Три месяца. Любить. МЕРТВЕЦА.

— Милена, ты в полном тупике, — прошептала я в темноту. — Остаётся либо сойти с ума, либо делать вид, что ещё держишься.

Притворяться казалось более перспективным вариантом.

Я повернулась на бок. Подушка противно захрустела. Из неё посыпалась какая-то труха. Я не стала выяснять, что именно. Некоторые вещи лучше не знать.

Из соседней комнаты не доносилось ни звука. Данте там... что? Стоял? Сидел? Медитировал о вечности и тлене? Мертвецы вообще спят? Или они просто... существуют? Как мебель, только с харизмой и склонностью к пафосным заявлениям?

Я попыталась закрыть глаза. Перед внутренним взором тут же всплыло его лицо. Бледное. Красивое. С этими проклятыми глазами цвета полуночи, которые смотрели так, будто видели твою душу насквозь и находили её... интересной.

«Стоп, — одёрнула я себя. — Прекрати. Ты не можешь находить мертвеца привлекательным. Это... это некрофилия какая-то! Хотя технически он ходит и говорит, так что... некро-полу-филия? Есть ли такой термин?»

Господи, я действительно сходила с ума.

Я села на кровати, сдаваясь. Спать всё равно не получится. Может, стоит... исследовать замок? Да, отличная идея. Побродить по тёмным коридорам особняка, полного мертвецов. Что может пойти не так?

Я встала, накинула какую-то пыльную накидку, которая валялась на кресле (надеюсь, она не была чьим-то саваном), и на цыпочках выскользнула из комнаты.

Коридор был освещён редкими факелами, которые горели каким-то странным, зеленоватым огнём. Магия, наверное. Или просто очень старый керосин. Тени плясали на стенах, образуя фигуры, похожие на танцующих призраков. Очень уютно. Просто курорт мечты.

Я брела наугад, стараясь запомнить дорогу (безуспешно — все коридоры были одинаково мрачными и одинаково запутанными). Проходила мимо закрытых дверей, мимо портретов хмурых предков, мимо доспехов, которые, клянусь, ПОВОРАЧИВАЛИ ЗА МНОЙ ГОЛОВЫ.

— Это просто сквозняк, — убеждала я себя. — Просто ветер. Просто моё воображение, которое работает на полную катушку.

Доспехи скрипнули.

Я ускорила шаг.

Над дверью висела табличка с выцветшей надписью. Я не знала местного языка, но изображение книги подсказало смысл.

Библиотека.

— Ну конечно, — пробормотала я. — В каждом приличном замке с привидениями должна быть библиотека. Это же классика жанра.

Я толкнула дверь. Она открылась с протяжным скрипом, достойным премии «Оскар» в номинации «Лучший звуковой эффект ужаса».

Внутри было... огромно.

Библиотека была размером с небольшой ангар. Стеллажи уходили под самый потолок, который терялся где-то в темноте. Тысячи, может, десятки тысяч книг. Старинных, в кожаных переплётах, покрытых пылью и паутиной. Пахло старой бумагой, плесенью и чем-то ещё... древним. Как будто сами знания, запечатанные в этих томах, источали аромат веков.

Я подошла к ближайшему стеллажу, взяла одну книгу наугад. Открыла.

И ничего не поняла.

Текст был на каком-то языке, который больше походил на закорючки, чем на буквы. Символы извивались, переплетались, и от долгого взгляда на них начинала болеть голова.

— Отлично, — пробормотала я, захлопывая книгу и поднимая облако пыли. — Я филолог, а читать не могу. Ирония судьбы уровня: бог.

Я прошла вдоль стеллажей, разглядывая корешки книг. Некоторые были явно магическими — светились слабым свечением, другие источали холод, третьи... шипели? Да, одна книга определённо шипела на меня, как рассерженная змея.

— Извини, — сказала я книге. — Я просто смотрю.

Книга зашипела громче.

Я поспешила отойти подальше.

И тут услышала... звук.

Тихий. Едва уловимый. Шорох.

Я замерла.

Снова шорох. Где-то в глубине библиотеки, за стеллажами.

«Крысы, — подумала я. — Просто крысы. Или... зомби-крысы? Боже, надеюсь, что нет».

Но любопытство было сильнее страха. Я медленно пошла на звук, петляя между стеллажами, стараясь не дышать слишком громко.

Шорох становился громче. И вот я увидела...

Кота.

Вернее, то, что когда-то было котом.

Он лежал за старым стеллажом, свернувшись клубком. Серый. Худой. ОЧЕНЬ худой. Настолько, что я видела его рёбра. А ещё... у него не было хвоста. Вернее, был огрызок хвоста, из которого торчали косточки. Одно ухо наполовину оторвано. Шерсть клочьями. Из бока торчало что-то... я не хотела смотреть, что именно.

— Бедняга, — прошептала я, присаживаясь на корточки. — Кто тебя так?

Кот не шевелился. Даже не дышал.

Потому что был мёртв.

Очень, очень мёртв.

— Конечно, — вздохнула я. — Куда же без трупов в этом замке. Даже коты тут не живые. Внутри дрогнуло что-то похожее на жалость и тоску по живому существу в этом царстве мертвецов.

Я протянула руку и погладила кота по голове. Шерсть была жёсткой, холодной.

— Бедный котик, — прошептала я. — Как же ты здесь оказался?

И тут...

Произошло ОНО.

Холод. Резкий, пронзающий, как будто я сунула руку в морозилку. Из моих пальцев потекло... нечто. Свечение? Энергия? Магия? Понятия не имею! Оно обволакивало кота, проникало внутрь, растекалось по его телу.

Я отдёрнула руку, шокированная.

— Что за... — Я отдёрнула руку, но холод уже ушёл из пальцев. — Я не хотела.

Но было поздно.

Кот дёрнулся.

Потом ещё раз.

Его лапы задрожали. Голова приподнялась. И он открыл глаза.

Один глаз. Второй глазницы не было.

Единственный глаз уставился на меня. Тусклый, жёлтый, с вертикальным зрачком.

Кот медленно, с явным усилием, поднялся на лапы. Встал. Покачнулся. Потянулся, и я услышала противный хруст костей и сухожилий.

А потом он... заговорил.

— Наконец-то, — произнёс кот скрипучим голосом. — Я думал, так и останусь трупом.

— Ты говоришь? — Я отшатнулась и ударилась спиной о стеллаж.

Кот посмотрел на меня с выражением, которое можно было интерпретировать как «ты серьёзно?»

— А ты поднимаешь мёртвых, — невозмутимо заметил он. — Мы квиты, хозяйка.

— Я просто тебя погладила.

— И случайно влила некромантскую энергию. Бывает. — Он зевнул, обнажив кривые жёлтые клыки. — Ты здесь недавно, верно?

Я сидела на полу, прижавшись спиной к стеллажу, и пыталась переварить информацию.

Говорящий мёртвый кот. Поднятый моей магией. Мозг отказался выбирать, какая часть этой фразы хуже.

— Это сон, — прошептала я. — Это точно сон. Кошмарный, извращённый сон.

— Если бы, — хмыкнул кот, начиная вылизывать лапу. Вернее, пытаться вылизывать — у него язык постоянно вываливался изо рта и приходилось заталкивать обратно. — Но нет. Ты в Мортхолле. В замке мертвецов. С мертвяком-герцогом, который решил, что ты его невеста. Добро пожаловать в ад, хозяйка.

Я медленно встала, отряхивая юбку.

— Откуда ты знаешь про Данте?

— Я живу здесь. Вернее, жил, потом умер и веками лежал за стеллажом. Теперь опять существую. — Кот зевнул. — Как тебя зовут?

— Милена. Меня зовут Милена. А тебя?

Кот задумался. Долго. Так долго, что я начала сомневаться, помнит ли он вообще.

— Ханако, — наконец произнёс он. — Меня звали Ханако. Хотя это было так давно, что я уже почти забыл.

— Ханако, — повторила я. — Как в аниме?

— В чём? — Кот нахмурился. Насколько может нахмуриться существо без половины морды.

— Неважно. Слушай, Ханако... Кто ты? Почему ты тут? И почему ты говоришь?

Он сел, обернул обрубок хвоста вокруг лап (получилось криво) и посмотрел на меня своим единственным глазом.

— Я фамилляр. Был фамилляром. Служил некромантке триста лет назад. Той самой, что прокляла твоего жениха-мертвяка.

Мир вокруг меня качнулся.

— Какая некромантка? — спросила я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Той, что жила здесь до тебя. Хозяйка этого замка. Могущественная, злая, прекрасная сволочь. — В его голосе звучала... тоска? Злость? — Она и Данте были... сложными. Он её предал. Она его прокляла. Классическая любовная история. Со смертями, кровью и вечным проклятием.

Я опустилась на пол рядом с котом, скрестив ноги.

— Расскажи. Всё.

Ханако посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не могу рассказать прямо: магическая клятва превратит меня в прах. Но могу намекать и показать кое-что.

— Показать что?

Вместо ответа он поднялся, пошёл вглубь библиотеки, хромая на три лапы из четырёх. Я последовала за ним.

Мы петляли между стеллажами, углублялись всё дальше, пока не уткнулись в стену. Обычную, каменную, покрытую плесенью.

— Тупик, — констатировала я.

— Для тех, кто не умеет смотреть, — парировал Ханако. — А ты умеешь?

— Что?

— Смотреть. Видеть магию. Ты некромантка, хозяйка. Ты должна чувствовать её. Сосредоточься.

Я вздохнула, но послушалась. Закрыла глаза. Попыталась... почувствовать. Как тогда, на кладбище, когда поднимала Данте.

И вдруг...

Я увидела.

Нет, не глазами. Как-то... иначе. Внутренним зрением? Чувствами? Перед стеной плясали тонкие нити света, образуя узор. Сложный, переплетённый, похожий на паутину.

— Вижу, — прошептала я.

— Тогда открывай.

— Как?

— Это должна сделать ты. Я не владею магией: я всего лишь мёртвый кот.

Я протянула руку к узору. Пальцы коснулись невидимых нитей. Они затрепетали, заискрились. Я потянула... и узор распался.

Стена задрожала. Потом с тихим скрежетом часть её отъехала в сторону, открывая узкий проход.

— Вот это да, — выдохнула я.

— Пошли, — Ханако первым прошмыгнул внутрь.

Я последовала за ним, пригнувшись (проход был низким).

За стеной открылась маленькая комната. Секретная. Скрытая от чужих глаз веками.

Она была... обжитой. Стол, кресло, свечи (погасшие), полки с книгами, свитками, какими-то странными артефактами. На столе лежали пергаменты, чернильница (чернила давно высохли), гусиное перо.

— Это... её комната? — спросила я.

— Её рабочий кабинет, — кивнул Ханako, запрыгивая на стол. — Здесь она творила магию. Здесь проклинала. Здесь... мечтала.

Я подошла к столу, осторожно взяла один из пергаментов. Текст был на том же непонятном языке, но рядом лежала другая бумага. И на ней... чертёж?

Я развернула его.

Это был план замка. Детальный, с подписями на... русском? Нет, не русском. Но похоже. Я шурилась, пытаюсь разобрать.

Это был подробный план замка. Подписи сделаны не по-русски, но стоило сосредоточиться, и смысл проступил в сознании — вероятно, сработала магия Мортхолла.

ТРАКТИР?!

— Ханako, это... этот замок был трактиром?!

— Не просто трактиром, — мяукнул кот. — Лучшим заведением в округе. Сюда приезжали мертвецы и живые со всех концов мира. Еда, напитки, развлечения. Некромантка была не только магом. Она была... бизнес-вумен, как бы сказали в твоём времени.

Я лихорадочно перебирала пергаменты. Вот ещё один план. План второго этажа. Комнаты для гостей. Много комнат.

Вот список... что это? Цены? Меню?

Вот рисунок — схема какого-то мероприятия. Бал?

— Ханako, — позвала я, не отрываясь от чертежей. — А почему всё это заброшено? Почему замок в таком... упадке?

Кот зевнул, устраиваясь на краю стола.

— После смерти прежней хозяйки Данте забрал замок, закрыл трактир и превратил его в резиденцию. Потом она проклала его. Триста лет Данте оставался мёртвым, замок пустовал, а слуги постепенно рассыпались. Денег не осталось.

— погоди, — я подняла голову. — У Данте совсем нет денег?

— Совсем. Казна пуста. Армия держится на остатках магии. Скоро начнут рассыпаться окончательно. — Ханako посмотрел на меня своим единственным глазом. — А ещё у него долги.

— Какие долги?

— Перед Советом Мёртвых — местной властью загробного мира. Они собирают налоги и контролируют территории. Данте носит герцогский титул, а значит обязан платить. Через два месяца будет аудит.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И что будет, если он не заплатит?

— Лишат титула, конфискуют замок и уничтожат Данте окончательно. Барьер принадлежит Мортхоллу, поэтому для тебя ничего не изменится.

Я села на пол, прислонившись спиной к стене. Информация обрушивалась лавиной.

Данте не просто проклят. Он банкрот. У него долги. Его могут уничтожить. А я... я застряну здесь навсегда. Совсем одна.

— Приятная перспектива, — пробормотала я.

— Поэтому он так цепляется за тебя, — пояснил Ханako. — Любовь разрушит проклятие и вернёт ему живую силу. Но аудит наступит на месяц раньше основного срока, поэтому ждать нельзя.

Я смотрела на чертежи. На планы замка-трактира. На меню. На схемы балов.

И вдруг в моей голове что-то щёлкнуло.

Замок. Огромный замок. С десятками комнат.

Данте. Банкрот, с долгами, с разваливающейся армией.

Два месяца до аудита.

И этот замок КОГДА-ТО был процветающим трактиром.

Идея родилась мгновенно. Яркая. Безумная. Гениальная.

— Ханako, — прошептала я, чувствуя, как внутри разгорается азарт. — А что, если...

— Что если что? — Кот смотрел на меня с подозрением.

— А если превратить Мортхолл в гостиницу? Вернуть то, чем он был, только сделать ставку на настоящих призраков и магию.

Ханako моргнул. Долго.

— Хозяйка, ты гений или идиотка? — Ханako подозрительно прищурил единственный глаз.

— Пока не решила. Но замок огромный, комнат много, слуги уже есть, а такой атмосферы конкуренты не создадут даже за большие деньги.

— И запах разложения входит в стоимость?

— Его устраним магией. Или хотя бы перебьём травами.

— Хозяйка, у тебя нет денег на запуск.

— Зато есть замок! И мотивация! Данте нужны деньги, чтобы заплатить Совету. Если мы заработаем — он не потеряет титул. Замок останется. Я... я не останусь тут одна навсегда с разваливающимися зомби!

Ханako медленно кивнул.

— Логика железная. Безумная, но железная. Проблема одна.

— Какая?

— Данте. Он гордый. Пафосный. Он никогда не согласится превратить свой замок в... гостиницу.

Я ухмыльнулась.

— Посмотрим. У меня есть аргументы.

— Типа?

— Скажу правду: через два месяца Совет заберёт замок и уничтожит его. А через три месяца, если Совет не успеет, Данте всё равно распадётся из-за проклятия.

Ханako хмыкнул. Звук был похож на карканье вороны.

— Мне нравится, как ты мыслишь, хозяйка. Цинично. Практично.

— Я училась выживать. — Я собрала чертежи, свернула в рулон. — И если мне суждено застрять здесь, то я хотя бы сделаю эту тюрьму... терпимой.

Мы вышли из секретной комнаты. Я аккуратно закрыла проход (магия среагировала на моё намерение и запечатала стену обратно).

Ханako сел рядом, постанывая.

— Больно? — спросила я.

— Я мёртв. Мне всегда больно. Или не больно. Сложно объяснить. — Он зевнул. — Ты знаешь, что твоя магия нестабильна?

— Что?

— Тот первый зомби. Он распался. Я видел. Я тоже... чувствую это. Твоя энергия как будто... разрушает, а не удерживает.

Я нахмурилась.

— Это плохо?

— Для меня — да. Если ты не научишься контролировать, я снова стану трупом. — Он посмотрел на меня. — Но для Данте... для проклятия... это может быть как раз то, что нужно.

— Почему?

— Потому что проклятие — это магия, хозяйка. А ты... ты можешь разрушать магию. Неосознанно. Неуклюже. Но можешь.

Это была новая информация. Важная.

Мы дошли до выхода из библиотеки. Я толкнула дверь...

И чуть не врезалась в Данте.

Он стоял в коридоре, скрестив руки на груди. По застывшему лицу было видно: Данте в ярости и пока ещё пытается держать себя в руках.

— Где ты была? — произнёс он холодно.

— В библиотеке, — ответила я, прижимая к груди рулон чертежей.

Его взгляд скользнул вниз, на Ханако.

И лицо... изменилось. Стало каменным.

— Что ты сделала? — спросил он медленно, глядя на Ханако.

— Случайно подняла кота, — призналась я и крепче прижала чертежи к груди.

— Случайно? — В его голосе прорезалась ярость. — Именно этого кота?

Ханако шипнул в ответ.

— А вот и герцог, — прошипел Ханако. — Скучал?

— Замолчи, — бросил Данте, и по коридору пополз иней.

— Сам попробуй, гниль ходячая.

— Хватит, — вмешалась я, встав между ними. — Ханако теперь мой фамилльяр.

— Он служил той, кто меня проклинал, — процедил Данте.

— Она мертва, а мне нужен помощник. Он хотя бы отвечает на вопросы.

Данте смотрел на меня так, будто я предложила запустить в замке дискотеку.

— Милена, ты не понимаешь...

— Я узнала, чем раньше был Мортхолл, — сказала я, развернув чертежи. — И знаю, как спасти замок, армию и тебя.

Он молчал. Смотрел на чертежи. Потом на меня.

— О чём ты говоришь?

— Мы снова откроем здесь гостиницу, — объявила я, расправляя плечи. — Заработаем на долги перед Советом и восстановим замок.

Тишина.

— Ты хочешь превратить мою резиденцию в трактир? — недоверчиво уточнил он.

— В отель. С нормальными комнатами и настоящими привидениями. Это преимущество, а не позор.

— Безумие.

— Единственный план, который у нас есть. Мортхолл уже был успешным трактиром — значит, модель работает.

— Это унижительно для герцога.

— Гораздо унижительнее потерять замок за долги, — парировала я, приблизившись. — Ханако рассказал про аудит через два месяца.

Его лицо стало каменным.

— Этот треклятый кот...

— Он сказал правду. — Я выдержала ледяной взгляд Данте. — Если у тебя есть деньги или другой план, назови его.

Он разозлился. По-настоящему. Его глаза вспыхнули тёмным огнём.

— Убери. Этого. Кота. Из. Моего. Замка.

— Нет!

— Милена...

— Данте! — Я подошла к нему вплотную. Посмотрела прямо в глаза. — У тебя есть лучший план? Есть деньги? Есть время? Нет? Тогда заткнись и слушай! У нас два месяца! Два! Или мы зарабатываем деньги, или ты теряешь всё! Замок! Титул! Жизнь... ну, или что там у тебя вместо неё!

Он смотрел на меня. Долго. Его челюсть сжалась.

— Кот не должен был говорить.

— Теперь я знаю, что Совет придёт через два месяца. Если мы не заработаем, ты потеряешь титул, замок и остаток существования. А я останусь здесь навсегда с разваливающейся армией.

— И ты веришь, что гостиница решит проблему? — спросил он после тяжёлой паузы.

— Нет, — честно ответила я. — Но это первый реальный шанс. Предложи лучший — соглашусь.

Данте развернулся и ушёл, захлопнув дверь.

Ханако проводил его единственным глазом.

— Это было весело.

— Не начинай, — устало предупредила я.

— Ты кричала на герцога.

— А он запер меня в замке. Мы оба нарушили этикет.

Ханако фыркнул.

— Мне нравится твой стиль, хозяйка, — одобрил Ханако. — Безумный, но практичный.

Я посмотрела на дверь, за которой скрылся Данте.

Он злился. Но он не сказал «нет».

А значит... был шанс.

Маленький. Крохотный. Но был.

— У нас будет отель, — решила я, ещё раз посмотрев на закрытую дверь.

— Как скажешь, хозяйка.

— И называй меня Милена.

— Как скажешь, хозяйка Милена, — невозмутимо согласился кот.

Я закатила глаза и побрела обратно в свою комнату.

Спать уже не хотелось.

Хотелось планировать.

Строить.

Доказывать всем этим мертвецам, что живая девчонка из двадцать первого века может сделать невозможное.

Открыть отель в замке зомби.

Легко, да?

Глава 4

Я проснулась от того, что Ханако сидел на моей груди и пялился на меня своим единственным глазом.

— Доброе утро, хозяйка, — произнёс он голосом, который звучал так, будто кто-то пытался завести старый автомобиль в минус тридцать. — Ты храпишь. Громко. Как медведь с бронхитом.

— Я НЕ храплю! — возмутилась я, отталкивая его.

Он грациозно спрыгнул на пол, приземлившись на три лапы (четвёртая подволакивалась).

— Храпишь. Я слышал. Мёртвые слышат всё. У нас обострённый слух. Или это просто тебя так громко разносилось по всему замку.

Я села на кровати, потирая лицо. Голова раскалывалась, словно по ней всю ночь стучал маленький злобный гном с отбойным молотком. В комнату проникал серый утренний свет, высвечивая всю убогость обстановки — пыль, паутину, дыры в балдахине.

— Который час?

— Понятия не имею. Часов тут нет. Мы мёртвые. Нам всё равно. — Ханако начал выливать лапу. Язык снова вывалился, пришлось заталкивать обратно. — Но судя по солнцу — утро. Раннее. Очень раннее. Настолько раннее, что даже птицы ещё не проснулись. Впрочем, тут их и нет. Они боятся замка.

— Умные птицы, — пробормотала я, вставая.

Ноги затекли. Спина ныла. Я чувствовала себя так, будто всю ночь занималась карате с призраками. Хотя, по сути, я просто спала на матрасе, который был набит чем-то подозрительно похожим на солому, перемешанную с камнями и остатками чьих-то надежд.

— Хозяйка, — позвал Ханако, когда я направилась к двери. — Ты же помнишь, что вчера поссорила с мертвяком?

— Не ссорилась. Я ему факты изложила.

— Он был зол. Очень зол. Я таким его не видел лет... сто? Двести? Не помню. — Кот почесал ухо. — Он может передумать.

— Не передумает, — уверенно сказала я, хотя внутри всё сжалось от сомнений. — У него нет выбора.

— У гордого мертвеца всегда есть выбор, хозяйка. Умереть окончательно, но с достоинством.

Я остановилась у двери, обернулась.

— Он не такой идиот.

— Он мёртв триста лет. У мёртвых логика... другая.

Я вздохнула, открыла дверь и вышла в коридор.

Замок встретил меня утренней тишиной, которая была какой-то... неправильной. Слишком плотной. Слишком тяжёлой. Как будто сам воздух здесь был пропитан ожиданием и древней тоской. Факелы ещё горели (магические, наверное, не гаснут), отбрасывая длинные, дрожащие тени.

Я побрела по коридорам, пытаюсь вспомнить дорогу к столовой. Или к холлу. Или куда угодно, где можно найти Данте.

Ханако семенил рядом, постанывая на каждом шагу.

— Больно?

— Всегда больно, хозяйка. Смирилась уже.

— Ты же кот. Коты не говорят о боли.

— Мёртвые коты говорят о чём хотят. Это наша привилегия.

Мы спустились по лестнице (я споткнулась три раза, Ханако прокомментировал каждую), прошли через холл (портреты предков смотрели с явным осуждением) и наконец оказались... у массивной двери.

— Это что?

— Тронный зал, — ответил Ханако. — Или как его там Данте называет. Зал аудиенций? Место, где он сидит и строит из себя важного.

— Он там?

— Чую его. Запах мертвечины с нотками гордыни и отчаяния. Он там.

Я толкнула дверь.

Зал был... внушительным. Огромный, с высоченными потолками, колоннами по периметру, витражными окнами (половина выбита). В дальнем конце — возвышение. А на возвы-

шении — трон. Массивный, каменный, украшенный черепами и какой-то резьбой, изображающей сцены... я предпочла не вглядываться.

И на троне сидел Данте.

В полном обмундировании. Доспехи (древние, потускневшие, но впечатляющие), плащ (чёрный, драматично развевающийся, хотя ветра не было), корона (да, КОРОНА! маленькая, но корона!) на голове.

Он сидел, облокотившись на подлокотник, подперев голову рукой, и смотрел в пустоту с таким выражением, будто переживал внутреннюю трагедию шекспировского масштаба.

— Серьёзно? — не выдержала я. — Ты так сидишь? С утра? В короне?

Он медленно перевёл взгляд на меня. И если бы взгляды убивали, я бы сейчас была мертвее всех мертвецов в этом замке.

— Доброе утро, невеста, — произнёс он голосом, в котором не было ничего доброго. — Выспалась?

— На твоём матрасе? Вряд ли. Там что, камни внутри? Или останки прошлых невест?

— Солома.

— Чувствуется.

Мы смотрели друг на друга. Долго. Напряжённо.

Ханако деликатно кашлянул:

— Может, я пойду? Атмосфера тут... густая.

— Оставайся, — приказал Данте, не отрывая взгляда от меня. — Ты теперь часть этого... безумия.

— Безумия? — переспросила я, поднимаясь по ступенькам к трону. — Ты называешь план спасения твоего замка безумием?

— Я называю идею превратить мою резиденцию в постоянный двор для случайных путников оскорблением.

— Тогда умри, — пожала я плечами. — С достоинством. В своей короне. На своём троне. А я буду тут сидеть. Одна. С твоей разваливающейся армией. Навсегда.

Его челюсть сжалась.

— Ты манипулируешь.

— Я излагаю факты. Ханако, помоги мне. Расскажи про Совет ещё раз.

Кот зевнул.

— Совет Мёртвых. Правительство загробного мира. Контролируют территории. Собирают налоги. Данте должен десять тысяч золотых. Аудит через два месяца. Не заплатит — конфискуют замок, лишат титула, уничтожат. Всё просто.

— Десять тысяч, — повторила я, глядя на Данте. — Это много?

— Очень, — процедил он сквозь зубы.

— И у тебя их нет?

— Их удерживает магия, — с мрачной гордостью пояснил Данте.

— И взять негде?

— Негде.

— Тогда какого... чёрта... ты сидишь тут в короне и строишь из себя гордого?! — Я подошла вплотную, задрав голову (он был выше, даже сидя). — У тебя есть шанс! Один шанс! Я предлагаю план! Рабочий план! Твой замок был трактиром! Успешным! Люди приезжали! Платили! Почему нельзя повторить?!

— Потому что это унижительно!

— Унижительно?! — Я рассмеялась. Истерично. — Ты знаешь, что унижительно? Распасться в прах, потому что ты слишком гордый, чтобы попросить помощи! Потерять всё, потому что ты не хочешь «опошляться»! Вот это унижительно!

Он встал. Медленно. Угрожающе. Возвышаясь надо мной, как башня из камня, льда и подавленной ярости.

— Ты не понимаешь, — произнёс он тихо, но каждое слово било, как удар. — Этот замок — всё, что у меня осталось. Моё наследие. Моя история. Если я превращу его в... в гостиницу... я предаю память. Тех, кто был до меня. Тех, кто...

— Кого уже нет, — перебила я жёстко. — Данте, их нет. Есть ты. Есть я. Есть два месяца. И есть выбор: действовать или сдаться.

Он смотрел на меня сверху вниз. И я видела, как внутри него идёт битва. Гордость против разума. Прошлое против будущего. Смерть против... чего? Жизни? Надежды?

— У меня есть условия, — наконец произнёс он.

Я выдохнула. Он не отказался. Он СОГЛАСИЛСЯ.

— Слушаю.

— Первое. Я главный. Ты — консультант. Советчик. Но решения принимаю я.

Я скрестила руки на груди.

— Хорошо. Но я имею право вето на идиотские решения.

— Второе. Никакого... — он поморщился, — ...опошления. Замок остаётся замком. Атмосфера сохраняется. Никаких... как ты говорила... «аттракционов».

— Договорились. Атмосфера — наше преимущество.

— Третье. Ты всё ещё моя невеста. Отель не отменяет проклятие. Ты всё ещё должна... меня полюбить.

Я почувствовала, как щёки предательски нагреваются.

— Это... это другой вопрос. Сейчас не об этом.

— Но я хочу, чтобы ты помнила.

— Помню! — огрызнулась я. — Три месяца. Полюбить мертвеца. Всё при мне. Идём дальше!

Он чуть усмехнулся. Еле заметно, но усмехнулся.

— Четвёртое. Избавься от кота.

— Нет! — Я и Ханако синхронно.

— Он мне не нравится.

— А ты ему. Вы квиты. Ханако остаётся. Он мой помощник.

Данте вздохнул. Долго. Театрально.

— Хорошо. Пусть будет проклятый кот. Но если он хоть раз...

— Он будет паинькой, — заверила я. — Правда, Ханако?

— Буду как ангел, — мяукнул кот. — Мёртвый ангел с обрубком хвоста.

Данте посмотрел на него с явным желанием пнуть. Но сдержался.

— Итак, — он снял корону (наконец-то!), положил на трон. — Мы открываем отель. Как ты планируешь начать?

Я достала чертежи (носила с собой, на всякий случай), развернула на ступеньках трона.

— Вот. План замка. Бывшего трактира. Смотри: первый этаж — холл, столовая, кухня, зал для мероприятий. Второй и третий этажи — комнаты для гостей. Сорок восемь комнат. Сорок восемь! Если сдавать по... ну, скажем, десять золотых за ночь...

— Десять золотых?! — Данте чуть не подавился. — Это грабёж!

— Это уникальное предложение! Отель с настоящими привидениями! С зомби! С магией! Люди за такое платят!

— Откуда ты знаешь?

— Потому что в моём мире это называется «тематический туризм». И это работает. Поверь мне.

Он смотрел на чертежи, хмуясь.

— Сорок восемь комнат. Даже если мы заполним половину... двадцать четыре комнаты... по десять золотых... двести сорок золотых в день...

— Умножай на тридцать дней, — подсказала я.

— Семь тысяч двести в месяц. — Он поднял голову. — Этого недостаточно. Нужно десять тысяч. И это только долг. А содержание замка? Армия? Слуги?

— Поэтому нам нужно заполнять все комнаты. И поднять цены. И добавить дополнительные услуги. Ужины. Балы. Экскурсии. — Я начала загибать пальцы. — Мы сделаем это не просто отелем. Мы сделаем его... опытом. Приключением.

Данте молчал. Думал. Я видела, как в его голове крутятся цифры, планы, сомнения.

— Два месяца, — наконец произнёс он. — У нас два месяца.

— Значит, начинаем прямо сейчас.

Он кивнул. Медленно. Будто это решение давалось ему с огромным трудом.

— Хорошо. Собери всех слуг. В большом зале. Через час. Я... я объявлю им.

— Объявишь? — Я приподняла бровь. — Или мы объявим вместе?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вместе.

Час спустя большой зал (тот самый, бальный, с дырами в потолке и люстрой, покрытой паутиной) был заполнен... народом. Точнее, мертвецами.

Армия Данте выстроилась в ряды. Двести зомби-воинов разной степени сохранности. Одни в латах, другие в лохмотьях. У некоторых не хватало конечностей. Один вообще был без головы, но как-то держал строй.

Слуги стояли отдельно: Мортимер (безупречный, как всегда, хотя на этот раз обе руки были на месте), Грета (полупрозрачная, нервно теребящая край платья), Громбаш (с половником в лапе), трио скелетов-садовников (в шляпах, опираясь на грабли).

Все смотрели на возвышение, где стояли мы с Данте. И Ханako у моих ног.

Данте был в полном парадном облачении. Доспехи, плащ, корона. Он выглядел как... ну, как герцог. Мёртвый, но внушительный.

Я была в своих джинсах и футболке «I need more coffee». Контраст, прямо скажем, разительный.

— Слуги и воины Мортхолла, — начал Данте голосом, который отражался от стен и потолка. — Я собрал вас, чтобы сообщить... важную новость.

Тишина. Все слушали.

— Как вы знаете, замок переживает... трудные времена. Казна пуста. Совет требует уплаты долгов. — Он сделал паузу. — Если мы не найдём способ заработать... мы потеряем Мортхолл.

Шорох пробежал по рядам. Зомби заволновались. Один уронил руку, поспешно поднял.

— Но, — продолжил Данте, и его голос окреп, — у нас есть план. План, который может спасти замок. Армию. Всех нас.

Он обернулся ко мне, кивнул.

Я сделала шаг вперёд.

— Мы открываем отель, — объявила я громко. — Отель с привидениями!

Тишина.

Оглушительная.

А потом...

— Что?! — взревел Громбаш.

— Отель? — пискнула Грета.

— Гостиницу? — ахнул Мортимер, и его челюсть отвалилась. Буквально. Он поспешно поднял её, приставил обратно.

Скелеты-садовники синхронно запели:

— Отель, отель, не ожидали мы! Теперь мы слуги и слуги мы! Для гостей, для путников, для всех! Хоть это, кажется, большой грех!

— Это не грех! — перекричала я их. — Это спасение! Слушайте!

И я начала объяснять. Про трактир, который был здесь триста лет назад. Про то, что замок идеально подходит. Про деньги, которые мы заработаем. Про то, что это единственный способ спасти всё.

Они слушали. Сначала с недоверием. Потом с интересом. Потом...

— А что я буду делать? — спросил Мортимер.

— То, что делаешь лучше всего. Администрировать. Встречать гостей. Ты же дворецкий.

— Администратор отеля... — он задумался. — Звучит... престижно.

— А я? — Грета подняла полупрозрачную руку.

— Горничная. Убираешь комнаты. Меняешь бельё. Только... старайся не проваливаться сквозь мебель.

— Постараюсь!

— А я? — Громбаш сжал половник.

— Повар. Но... — я строго посмотрела на него, — никаких... странностей в еде. Только то, что я скажу. Понял?

Он кивнул. Неуверенно.

— А мы? — хором спросили скелеты.

— Садовники. И... развлечение. Можете петь для гостей.

Они просияли. Насколько могут сиять черепа.

— А армия? — спросил один из зомби-воинов. — Что делать нам?

Я посмотрела на Данте. Он кивнул.

— Охрана, — объявил он. — Охрана отеля. Периметр. Безопасность гостей. И... — он помедлил, — ...носильщики. Таскать багаж.

Зомби переглянулись. Потом один, самый здоровый (относительно), шагнул вперёд.

— Мы служили вам триста лет, милорд. Будем служить и дальше. Даже если это означает... таскать чемоданы.

Данте кивнул. Благодарно.

— Итак, — я снова взяла слово. — У нас два месяца. Нужно подготовить замок. Починить. Убрать. Обучить всех. Я буду координировать. Данте — главный. Мортимер — администратор. Ханako — мой помощник.

— А я что делаю? — мяукнул кот.

— Язвишь и помогаешь. Как обычно.

Он фыркнул.

— За работу! — скомандовала я. — Начинаем с уборки!

Слуги и армия загалдели, начали расходиться, обсуждая.

Данте спустился с возвышения, подошёл ко мне.

— Ты хорошо справилась, — тихо сказал он.

— Это только начало, — ответила я. — Дальше будет сложнее.

— Я знаю. — Он посмотрел на меня. Долго. — Милена... спасибо.

Я моргнула. Не ожидала.

— За что?

— За то, что не сдаёшься. За то, что... пытаешься.

Что-то внутри меня дрогнуло. Что-то тёплое. Непривычное.

«Стоп, — одёрнула я себя. — Это всего лишь благодарность. Не придавай значения».

Но почему-то моё сердце билось чуть быстрее.

— Не за что, — пробормотала я. — Мне тоже не хочется торчать тут вечность одной.

Он усмехнулся. Чуть заметно.

А потом развернулся и ушёл, оставив меня стоять с гудящей головой, бешено колотящимся сердцем и полной решимости сделать из этого чёртова замка лучший отель в загробном мире.

Ханако подошёл, потёрся об мою ногу.

— Хозяйка, ты краснеешь.

— Заткнись.

— Он тебе нравится.

— Я сказала: заткнись.

— Ты влюбляешься в мертвеца. Поздравляю. Ты официально свихнулась.

Я посмотрела на кота.

— Ханако, если не заткнёшься, я превращу тебя обратно в труп.

— Попробуй, — хмыкнул он. — Тебе нужен я. Кто ещё переведёт древние тексты? Кто подскажет, где спрятаны секреты?

Он был прав. Мерзавец. Я вздохнула, посмотрела на зал. До намеченного открытия оставалось около пяти недель, до первоначального аудита — два месяца.

Два месяца, чтобы заработать десять тысяч золотых.

Два месяца, чтобы... влюбиться? Нет. Я не влюблюсь.

Это просто... сотрудничество. Деловое партнёрство. Ничего личного.

Точно.

Глава 5

Знаете, что хуже, чем убираться в собственной квартире? Убираться в замке площадью примерно с небольшой аэропорт, где каждый угол покрыт трёхсотлетней пылью, паутиной размером с рыболовную сеть и воспоминаниями о том, как здесь кто-то умер. Причём несколько раз. Разными способами.

А теперь представьте, что ваша уборочная команда состоит из зомби, которые постоянно теряют конечности, призрака, который проваливается сквозь пол, и орка, который считает, что «чисто» — это когда видно хотя бы половину пола.

Добро пожаловать в мой ад.

— Мортимер! — заорала я, стоя посреди того, что когда-то было парадной гостиной, а теперь больше походило на склад барахла викторианской эпохи, перемешанного с кладбищем надежд. — твоя рука В вазе!

— О, простите, мадам, — донёсся невозмутимый голос дворецкого откуда-то из-за горы пыльных портретов. — Сейчас исправлюсь.

Я закрыла глаза, досчитала до десяти (не помогло), до двадцати (тоже), до тридцати (я просто устала считать).

Прошла неделя с момента нашего исторического объявления. Одна неделя. Семь дней. И за это время я поняла несколько важных вещей:

Мертвецы не понимают концепции «срочности»

Зомби физически не могут работать аккуратно, когда у них отваливаются пальцы

Призраки забывают о своей нематериальности и постоянно роняют вещи, проваливаясь сквозь них

Данте абсолютно бесполезен в практических вопросах, зато отлично умеет стоять в углу и критиковать

Говоря о последнем...

— Ты уничтожаешь историю, — произнёс голос за моей спиной. Холодный. Острый, как лезвие.

Я обернулась. Данте стоял в дверном проёме, и его фигура отбрасывала длинную тень, похожую на когтистую лапу. Руки скрещены на груди. Лицо — каменная маска, в которой только глаза живы, и в них плещется что-то тёмное и древнее.

— Что? — Я вытерла пот со лба, оставив грязную полосу.

— Ты. Уничтожаешь. Историю. — Он произнёс каждое слово отдельно, будто объяснял идиоту. — Портреты моих предков валяются в углу. Гобелены, которым пятьсот лет, свёрнуты как тряпки. Мебель, на которой сидели герцоги, переставлена как в дешёвой таверне.

— Они были покрыты пылью! Паутиной! Плесенью! — Я ткнула пальцем в сторону свёрнутых гобеленов. — В них жили пауки!

— Пауки были здесь раньше тебя. — Его голос стал ещё холоднее. — Возможно, они имеют больше прав на этот замок, чем ты.

Я разозлилась. По-настоящему.

— Слушай, мертвяк. Либо ты хочешь отель, либо музей. Решай. Потому что гости НЕ будут платить за то, чтобы спать в пыли и дышать спорами плесени!

Его челюсть напряглась. В глазах вспыхнуло что-то опасное.

— Не смей так со мной говорить.

— Или что? Убьёшь меня? — Я шагнула к нему, задрав подбородок. — А, нет, не можешь. Потому что если я умру — ты распадёшься. Так что терпи, ваше мертвячество.

Мы смотрели друг на друга. Между нами потрескивало напряжение, почти осязаемое.

Ханако, который сидел на подоконнике и вылизывал культю хвоста, хмыкнул:

— Вы как старая супружеская пара. Милота.

— Заткнись, кот! — синхронно рявкнули мы с Данте.

Ханако довольно мурлыкнул.

— Видите? Синхрон идеальный. Свадьбу можно не откладывать.

Я подняла тряпку, метила в кота. Он ловко спрыгнул, хромая приземлился на три лапы.

— Хозяйка, ярость тебе не к лицу. Ты красная как помидор.

— А ты скоро будешь мёртвым. Снова.

— Я уже мёртвый. Логика хромает.

— Как и ты!

Данте вздохнул. Долго. Театрально.

— Я пойду проверю, как армия справляется с крышей.

— Отличная идея! — бодро сказала я. — Иди. Проверь. А я тут попытаюсь сделать из этого склепа что-то, где люди не будут умирать от столбняка и страха.

Он ушёл, и я могла поклясться, что слышала, как он бормочет что-то про «бесцеремонных выскочек из будущего».

— Хозяйка, — позвал Ханако, когда я вернулась к разборке завалов мебели.

— Что?

— Тебе нужен перерыв. Ты злая. Когда люди злые — они делают глупости.

— Я не злая. Я реалистичная. У нас восемь недель! Восемь! А замок выглядит так, будто здесь прошла война, чума и концерт панк-рок группы. Одновременно!

— Восемь недель — это много, — философски заметил кот.

— Для мертвеца, может, и много! У вас время течёт по-другому! А у меня дедлайн! И аудит! И перспектива застрять тут навсегда!

Ханако спрыгнул с подоконника, подошёл, потёрся о мою ногу.

— Хозяйка. Пойдём. Покажу тебе кое-что.

— Ханако, я занята...

— Это важно. — Его единственный глаз смотрел серьёзно. — Очень важно. То, о чём я... не мог сказать раньше.

Что-то в его тоне заставило меня остановиться.

— О чём?

— Пойдём. В библиотеку. В ту самую комнату.

Секретная комната. Та, где были дневники и чертежи.

Я бросила тряпку, вытерла руки о джинсы.

— Веди.

Мы шли по коридорам молча. Ханako впереди, хромая на три лапы, я — за ним. Замок был наполнен звуками: где-то грохотали зомби, таскающие мебель; Грета пела печальную песню на непонятном языке; Громбаш что-то варил на кухне (запах был... специфический).

Библиотека встретила нас привычной тишиной и запахом старой бумаги. Ханako провёл меня к той самой стене, где в прошлый раз открылся проход.

— Открывай, — скомандовал он.

Я приложила руку к стене, сосредоточилась. Магия отозвалась — тёплая, странная, не моя, но послушная. Узор проступил, засветился, и стена раздвинулась.

Секретная комната была такой же, как я её помнила: маленькая, круглая, заваленная пергаментами, книгами, чертежами. Но теперь, при свете магических огоньков (они зажглись сами, как только мы вошли), я увидела больше деталей.

На стенах висели портреты. Два портрета.

Две женщины.

Они были... похожи. Очень похожи. Близняшки? Одна — с тёмными волосами, собранными в строгий пучок, в тёмно-зелёном платье. Лицо умное, острое, красивое той холодной красотой, которая притягивает и отталкивает. Глаза — тёмные, почти чёрные, с каким-то хищным блеском. Улыбка — едва заметная, полная тайны и чего-то... опасного.

Вторая женщина была её полной противоположностью, хотя черты лица — те же. Волосы светлее, распущенные, мягкими волнами обрамляли лицо. Платье — светло-голубое, простое. Глаза — такие же тёмные, но в них плескалась теплота, доброта. Улыбка — искренняя, открытая.

— Кто это? — прошептала я, хотя внутри уже что-то подсказывало ответ.

Ханako сел перед портретами, поднял голову.

— Адрианна, — он кивнул на первую женщину. — Моя бывшая хозяйка. Та, что прокляла твоего мертвяка. — Его голос стал жёстким. — И Изольда. Её сестра-близнец. Триста лет назад они жили здесь. Адрианна была невестой Данте. А этот замок принадлежал его роду.

Холод пробежал по спине.

— Ханako... ты служил Адрианне?

— Да. — Слово прозвучало как приговор. — Я был её фамильяром. Верным. Преданным. Как идиот. — Он зашипел. — Она была... могущественной. Прекрасной. И абсолютно, полностью, без остатка безумной. Когда Данте позвал её сюда, в замок своих предков, как невесту... я думал, она станет счастливее. Но нет. Она стала только хуже.

Я опустилась на пол рядом с ним, не отрывая взгляда от портретов.

— Расскажи.

Ханako закрыл глаз. Помолчал. Когда заговорил, голос был полон горечи и старой ненависти.

— Они родились в один день. Адрианна — на час раньше. Обе были некромантками. Сильными. Но Адрианна была... другой. Жадной до власти. До контроля. Она не просто хотела магию — она хотела владеть. Всем. Всеми. Даже мной. — Он открыл глаз, посмотрел на первый портрет. — Я служил ей двадцать лет. Видел, как она превращается из амбициозной девушки в... монстра. А когда Данте привёз её сюда как свою невесту, в замок, который принадлежал его роду пятьсот лет... она решила, что теперь замок будет её. Навсегда.

— Включая Данте?

— Да. — Ханako кивнул. — Данте был... молодым герцогом. Живым. Красивым. Могущественным. Адрианна захотела его. Не полюбила — захотела. Как коллекционер хочет редкий экспонат. Они были помолвлены.

— Но он разорвал помолвку, — вспомнила я слова Данте.

— Да. Потому что наконец понял, с кем связался. — Ханako зашипел. — Адрианна начала накладывать на него заклятия. Тонкие. Почти незаметные. Контроля. Подчинения. Я видел это. Я помогал ей, потому что был верным фамильяром. — В его голосе прорезалась ненависть к самому себе. — Я был частью её безумия.

Тошнота поднялась к горлу.

— И что случилось?

— Изольда заметила. — Ханako посмотрел на второй портрет, и в его взгляде было что-то сложное. — Она была... слабее сестры. Но не злой. Просто... другой. Она приехала следом, пыталась остановить Адрианну. Они ссорились. Постоянно. Адрианна хотела владеть замком, контролировать Данте полностью. А Изольда видела, что сестра сходит с ума. И когда Адрианна начала накладывать заклятия контроля на Данте... Изольда рассказала ему правду.

— И он разорвал помолвку.

— Да. Адрианна... — Ханako замолчал, и молчание было тяжёлым. — Она не смогла пережить отказ. Для неё это было предательством. Унижением. Она решила, что если Данте не будет её в жизни... то будет в смерти.

Моё сердце колотилось.

— Она его убила.

— Да. На балу. При всех. Магией. Быстро. Он даже не понял, что произошло. А потом... — Ханako содрогнулся. — Она подняла его. Как зомби. Слабого. Разрушающегося. И прокляла. Сложным проклятием. Чтобы он не мог уйти. Не мог умереть окончательно. Был привязан к замку. К ней.

— Боже, — прошептала я.

— Изольда пыталась остановить сестру. Пыталась снять проклятие. Они сражались. Магическая дуэль. В библиотеке замка Данте. — Ханako обвёл комнату взглядом. — Изольда создала эту секретную комнату как убежище. Пыталась найти способ снять проклятие с Данте. Искала в старых книгах, свитках. Почти нашла...

— Почти?

Кот замолчал. Долго. Так долго, что я начала думать, что проклятие снова зажало ему пасть.

— Адрианна убила её, — наконец произнёс он, и слова прозвучали как приговор. — Здесь. В этой комнате. Я видел. Не мог помочь. Был заморожен заклятием. Мог только... смотреть. Как хозяйка умирает. Как сестра убивает сестру.

Слёзы подступили к глазам. Я не знала этих женщин. Никогда не видела. Но история... история была настолько ужасной, настолько несправедливой...

— А потом? — прошептала я.

— Адрианна прокляла меня. Молчать. Не говорить правду. Не мочь предупредить. Если скажу напрямую — растворюсь. — Ханako посмотрел на меня. — Она оставила меня здесь. Рядом с телом хозяйки. Как напоминание. Как наказание. Я умер рядом с ней. От горя. От бессилия. Триста лет я был мёртв. Триста лет лежал в этой библиотеке. Пока ты... не подняла меня.

Я взяла кота на руки. Осторожно. Он был лёгким, почти невесомым. Прижала к груди.

— Мне так жаль, Ханako.

Он мурлыкнул. Тихо.

— Не надо жалеть, хозяйка. Я мёртв давно. Привык. Но... когда ты подняла меня... я подумал: может, это шанс. Шанс исправить то, что не смог исправить тогда. Помочь. Защитить.

Я гладила его по голове, стараясь не задеть рваное ухо.

— Ханако... Адрианна. Где она сейчас?

Кот напрягся в моих руках.

— Не знаю. После того, как убила Изольду... она исчезла. Может, ушла. Может, умерла. Может... — Он замолчал.

— Может, жива, — закончила я за него.

Молчание было ответом.

— Ханако, — медленно произнесла я. — Если она жива... если она узнает, что я пытаюсь снять проклятие с Данте...

— Она вернётся. — Голос кота был мрачным. — И убьёт тебя. Так же, как убила Изольду. Потому что для неё Данте — собственность. Даже через триста лет.

Холод сковал всё тело.

Я встала, всё ещё держа кота, подошла к столу. На нём лежали пергаменты. Дневники. Два дневника.

Один — в чёрной кожаной обложке, с серебряными застёжками. Почерк — резкий, угловатый.

Другой — в синей обложке, потёртый. Почерк — округлый, аккуратный.

Я положила Ханако на стол, взяла синий дневник. Открыла наугад.

«15 октября. Сестра снова пыталась наложить на Данте заклятие контроля. Я остановила её. Мы поссорились. Она назвала меня предательницей. Сказала, что я завидую. Это неправда. Я не завидую. Я просто... не могу смотреть, как она разрушает человека, которого якобы любит. Это не любовь. Это одержимость. Болезнь.»

Я перелистнула дальше.

«3 ноября. Данте разорвал помолвку. Адрианна в ярости. Я боюсь. Боюсь того, что она может сделать. Я знаю сестру. Когда она злится... она опасна. Очень опасна. Я должна быть готова. Должна защитить его.»

Ещё страница.

«5 ноября. Данте мёртв. Адрианна убила его. На балу. При всех. Я не успела. НЕ УСПЕЛА. А теперь она подняла его. Превратила в... это. В зомби. Прокляла. Я должна найти способ. Должна снять проклятие. В старых текстах Изольды Первой есть упоминание о проклятиях любви. Буду искать.»

Последняя запись.

«12 декабря. Нашла. Способ снять проклятие. Но он требует жертвы. Большой жертвы. Тот, кто любит проклятого, должен отдать часть своей жизни. Своей магии. Стать мостом между жизнью и смертью. Это... это опасно. Можно умереть. Но другого способа нет. Я попробую. Завтра. Если не получится... если я умру... пусть кто-то другой найдёт этот дневник. Пусть закончит то, что я начала. Пусть спасёт Данте. Он не заслуживает этой участи.»

На этом запись обрывалась.

Я закрыла дневник. Руки дрожали.

Изольда пыталась спасти Данте. И умерла, не успев.

А теперь...

Теперь это должна сделать я.

— Хозяйка, — тихо позвал Ханако. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что для снятия проклятия нужна жертва. Что я могу умереть.

— Я исчезну, — без выражения ответил Данте.

Я посмотрела на портрет Изольды. На её добрые глаза, светлую улыбку.

Она отдала жизнь, пытаясь спасти человека, которого... любила? Или просто считала правильным спасти?

— Ханako, — медленно сказала я. — Изольда... она любила Данте?

Кот помолчал.

— Не знаю. Может, да. Может, просто... не могла смотреть на несправедливость. Она была такой. Добрая до глупости.

Я провела пальцем по обложке дневника.

— Она написала, что способ требует любви. Того, кто любит проклятого.

— Я исчезну, — без выражения ответил Данте.

— Значит, проклятие можно снять только... если я полюблю Данте. По-настоящему. Не притворно.

— Да, хозяйка. — Ханako посмотрел на меня. — Магия чувствует ложь. Если любовь не настоящая — проклятие не снимется. Более того — ты умрёшь. Твоя магия разрушится изнутри.

Отлично. Просто замечательно.

Я должна полюбить мертвеца. Мертвеца, который был убит триста лет назад безумной некроманткой-психопаткой. Которая может вернуться в любой момент и убить меня.

— Это... это же невозможно, — прошептала я.

— Многое невозможно, хозяйка. Но случается. — Ханako спрыгнул со стола, потянулся (хрустнули кости). — Изольда считала, что возможно. Поэтому пыталась.

— Но она умерла!

— Потому что не успела. Адрианна убила её до того, как ритуал был завершён. — Кот посмотрел на меня серьёзно. — Но ты... у тебя есть время. Восемь недель. И ты сильнее, чем думаешь. Ты подняла меня. Ты открыла эту комнату. Ты заставила мертвяка согласиться на безумный план. Ты... ты можешь.

Я опустилась на стул, положила голову на руки.

— Ханako, я не знаю, как полюбить. Я... я даже в своём мире толком не встречалась ни с кем. Я — одиночка. Работа, дом, работа. Как я могу полюбить мертвеца за восемь недель?

— А как ты можешь не полюбить? — парировал кот. — Альтернатива — остаться тут навсегда. Одной. Без него. Без всех. Замок развалится, когда он окончательно умрёт. Магия исчезнет. Ты останешься в руинах. Навечно.

Перспектива была... мрачной.

Я подняла голову, посмотрела на портреты. Адрианна смотрела с холодным превосходством. Изольда — с теплотой и надеждой.

— Хозяйка Изольда верила в любовь, — тихо сказал Ханako. — Даже когда видела, как сестра извращает её. Она верила, что настоящая любовь может спасти. Может разрушить любое проклятие.

— Наивно.

— Может быть. Но она была готова умереть за это. — Он подошёл, потёрся о мою ногу. — Ты не должна умирать, хозяйка. Ты должна жить. И победить. Потому что если Адрианна вернётся... битва будет не на жизнь, а на смерть.

Я взяла дневник Изольды, прижала к груди.

— Ханako... А если я не смогу? Не смогу полюбить?

Кот промолчал.

А потом прошептал:

— Тогда мы все умрём. Ты, я, Данте, слуги. Все.

Тишина повисла тяжёлым грузом.

Я встала, спрятала дневник под рубашку (он был тонкий, не выпирал), взяла Ханako на руки.

— Ладно. Тогда... тогда я попробую. Не знаю как. Но попробую.

— Это всё, что нужно, хозяйка.

Мы вышли из секретной комнаты. Я закрыла проход за собой.

Библиотека встретила прежней тишиной, но теперь она казалась... другой. Полной теней прошлого. Полной историй, которые ещё не закончились.

— Ханako, — спросила я, пока мы шли обратно. — Ты думаешь, Адрианна правда может быть жива?

— Не знаю, — честно ответил кот. — Но если да... она не простит. Не тебе. Не Данте. Никому, кто попытается разрушить её проклятие.

— Тогда мы должны быть готовы.

— Да, хозяйка.

Мы вернулись в парадную гостиную. Зомби всё ещё таскали мебель. Грета металась, пытаясь вытереть пыль (половину времени проваливаясь сквозь тряпку). Мортимер командовал, размахивая рукой (которая таки осталась на месте).

А у окна стоял Данте. Спинай ко мне. Неподвижный, как статуя. Смотрел на закатное небо, окрашенное в кровавые оттенки.

— Где ты была? — спросил он, не оборачиваясь.

Голос был тихим. Слишком тихим. Опасно тихим.

— В библиотеке, — ответила я, прижимая дневник Изольды к груди под рубашкой. — Искала информацию.

— Какую?

— О проклятии. О том, как его снять.

Молчание. Долгое. Тяжёлое.

Потом он медленно обернулся. И выражение его лица заставило меня отступить на шаг.

Холод. Абсолютный, непроглядный холод. Как будто смотришь не на человека, а на ледяную пустоту, где когда-то была душа.

— И что ты нашла? — произнёс он, шагая ко мне.

— Что... что это возможно. Сложно, но возможно.

Он остановился в шаге от меня. Смотрел сверху вниз, и я чувствовала себя мышью перед хищником.

— Милена. — Он произнёс моё имя так, будто пробовал на вкус. — Не лезь в то, чего не понимаешь. Проклятие старше тебя на триста лет. Оно вплетено в магию этого замка. В самую ткань реальности здесь. Ты думаешь, что можешь просто... снять его? Как будто это пластырь?

— Я думаю, что должна попробовать!

— НЕ должна. — Он повысил голос, и эхо разнеслось по залу. Все зомби замерли. — Ты должна жить. Пережить эти три месяца. Родить мне наследника, если понадобится. Но не лезть в магию, которая убивала сильнейших некроманток!

Я отшатнулась, как от пощёчины.

— Родить... наследника?

Он закрыл глаза. Сделал глубокий вдох (хотя дышать ему не нужно).

— Я не то имел в виду.

— Нет, ты именно это имел в виду! — Я почувствовала, как внутри вскипает ярость. — Я для тебя что? Инкубатор? Способ продолжить род?

— Ты моя невеста. — Он открыл глаза, и в них плескалось что-то хищное. — По закону этих земель. По магии проклятия. Ты моя, Милена. Хочешь ты того или нет.

— Я ничья! — заорала я.

Мы стояли, тяжело дыша (я — от ярости, он — по привычке), и между нами натянулась невидимая нить. Гнев. Притяжение. Что-то тёмное и опасное.

— Хозяйка, — тихо мяукнул Ханako где-то у моих ног. — Может, успокоимся?

Данте посмотрел на кота. Взгляд был полон такой ненависти, что я непроизвольно шагнула, закрывая Ханako собой.

— Не смей, — прошипела я. — Тронешь кота — забудь про отель. Про меня. Про всё.
Он усмехнулся. Без тени тепла.
— Ты меня защищаешь? Этого... предателя?
— Я защищаю своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.